

[Проведя в плену у боевиков три месяца, 48-летняя полтавчанка Ирина Бойко ...](#)
кардинально изменила свое мнение о тех, кого раньше считала врагами.

- Ой, осторожно, палец! - отдергивает Ирина руку, когда я пытаюсь ее пожать.

Я знала, что из плена 48-летняя полтавчанка, волонтер Ирина Бойко вернулась с отрезанной фалангой мизинца, но так всегда: попадаешь именно по больному месту, пишет журналист Анна Волкова на страницах издания ["Факты и комментарии"](#).

- Это надо мной казаки издевались, - пытается улыбаться моя собеседница. - В первую же ночь отрезали. Ножницами. Все быстро сделали. Больно не было.

На теле у Ирины, что называется, живого места не осталось. Сломаны ребра и нижняя челюсть, на голове раны.

- Они меня били за каждое украинское слово, - у женщины появляются слезы на глазах. -

Хорошо, что желто-синий флаг, который везли бойцам на передовую, я успела спрятать в трусы. Иначе мы бы не беседовали сейчас...

"Казаки пытали очень жестоко"

В зону боевых действий активистка Майдана Ирина Бойко ездила не раз. В основном доставляла туда продукты питания для защитников суверенной Украины. 19 июня она и трое ее товарищей по Майдану, заполнив два пикапа гуманитарной помощью, взяли курс на Луганщину. Но на блокпосту при въезде в поселок Должанский их остановил отряд донских казаков, которые, кстати, еще в феврале просили Путина ввести на Донбасс войска, чтобы защитить местное население от... эскалации НАТО.

- Это настоящие изверги, - говорит Ирина. - Пытали очень жестоко. Били резиновыми палками с металлическими стержнями, молотками, сверлили кости электрической дрелью. Вставляли ложки под веки, пытаюсь вынимать глаза. Теперь один глаз у меня почти не видит. Чтобы отвести угрозу от ребят, я сказала, что являюсь руководителем группы, которая выполняет благотворительную миссию. "Ты, сука, привезла „укропам“ жрачку, и это называешь благотворительной миссией?" - кричали казаки, не переставая измываться. К утру у меня просто не было лица - оно распухло и превратилось в кроваво-синее месиво. Прошло уже четыре месяца, а синяки под глазами, как видите, до сих пор остались.

- Что-то требовали взамен за сохранение вашей жизни или предоставление свободы?

- Дали в руки телефон. "Звони дочке, пусть добивается, чтобы воинская часть в Должанском на протяжении часа сложила оружие", - приказали. Я только успела

сообщить Тане о нашем задержании и об этом условии, как телефон забрали.

С того момента связи ни с Ириной, ни с тремя остальными волонтерами не было вплоть до 27 сентября.

- Уже через полчаса после тревожного сообщения я сидела в кабинете начальника областной милиции Ивана Григорьевича Корсуна , - рассказывает 29-летняя юрист Татьяна Ефремова, дочь потерпевшей.

- Начались поиски пропавших. С родственниками остальных пленников мы обращались во все инстанции, но ответ был везде один и тот же: о таких людях нет никакой информации. Правда, через несколько дней после похищения выяснилось, что в Ровеньках с маминой карточки были сняты деньги, а в Горловке с ее страницы в социальных сетях кто-то выходил в Интернет. Но дальше - нигде никакого следа. Одни гадалки успокаивали тем, что мама жива, но находится в тяжелом состоянии, а другие ничем утешить не могли.

До того черного дня Таня даже не подозревала, что проблем в ее жизни на самом деле не существовало. Только с пропажей родного человека поняла, сколько мама делала для нее и ее семьи. Еще у Татьяны произошла переоценка людей, с которыми общалась до этого, считала близкими по духу. Они куда-то исчезли. Зато несчастье подарило ей и настоящих друзей. Одним из первых позвонил, чтобы сказать слова поддержки, и больше не исчезал из ее жизни бывший сотрудник Полтавской городской милиции Валентин Артемьев, который в знак протеста против режима Януковича 30 ноября прошлого года подал рапорт на увольнение. Майдановец Михаил Дугин сажал Таню в свою машину и просто возил по городу, чтобы отвлечь от дурных мыслей. Женя Ситько, когда уже многие боялись ездить в зону АТО, расклеивал и раздавал там фотографии захваченных в плен полтавчан. А церкви многих конфессий, даже в Иерусалиме, молились за их здоровье.

"Как правозащитник я нужен был Безлеру в качестве наблюдателя"

К поискам заложников подключился также известный полтавский правозащитник Василий Ковальчук. Первым делом он вышел на Игоря Безлера, с которым вместе служили когда-то в Афганистане лейтенантами. Оба тогда вернулись на родину с наградами - орденами Красной звезды. Но последние события в стране развели бывших боевых побратимов по разные стороны баррикад. Ковальчук признает: Безлер ему враг, но враг умный.

Зачастую Бес шокирует эпатажностью своих поступков.

- Двадцать седьмого сентября в десять вечера Игорь позвонил мне на мобильный и предложил забрать из плена Ирину Бойко , - рассказывает Василий Ковальчук. - С уточнением: если я этого хочу. И с условием: прибыть в Горловку не позже восьми часов утра следующего дня. Хотя по поводу Иры мы с ним разговаривали дважды. Первый раз он сказал, что взорвал ее в микроавтобусе, а второй - что застрелил. Но в этот раз Бес не блефовал. "Оказывается, я ошибся. Ирина Бойко жива, она у меня", - заверил и дал слово офицера, что нас на его территории никто не тронет.

Прежде чем отправиться в опасную дорогу, дочь Ирины, с которой тут же связался Василий Ковальчук, попросила Игоря Безлера передать трубку маме. "Не поверю, пока не услышу ее голос", - заявила Татьяна Ефремова. Через какое-то время Ирина сама позвонила дочери с чужого номера.

- Мы разговаривали целых двадцать минут! - вспоминает молодая женщина. - Первое, о чем спросила мама: "Почему вы меня так долго искали? Я уже думала, что все забыли обо мне". Закончив разговор, я тут же стала собирать чемодан. Нельзя сказать, чтобы муж поддержал меня: "Ты хоть представляешь, куда ты едешь? В самое логово врага! Тебя там расстреляют!" Приблизительно те же слова слышала и от своих друзей. Но меня ничто не могло остановить. Я вспомнила, как ждала маму в больнице, где после тяжелых травм провела девять месяцев, в тот день, когда меня выписывали. Тогда каждая минута мне казалась годом. Решила так: даже если со мной что-то случится, у детей останется отец, а мы с мамой будем ТАМ вместе.

Миша Дугин снова сел за руль своей машины, и мы отправились забирать маму из плена.

- Истинную причину звонка от Безлера я понял, сидя в его кабинете, - продолжает Василий Ковальчук.

- Поначалу, зная Игоря как человека настроения, думал, что его благодушие связано с недавним присвоением ему звания генерал-майора армии ДНР, чем он не преминул похвастаться. Но потом понял: я как правозащитник, занимающийся поисками пленных, нужен был ему в качестве статиста, наблюдателя. В тот день в беспокойном регионе работала миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) - изучала возможности создания комендатур (по типу, как в Косово), куда должны войти представители Украины, России, ДНР и ОБСЕ. И Безлеру важно было, чтобы не только иностранцы, но и украинские правозащитники зафиксировали, что войска "ДНР" соблюдают условия перемирия.

Но как бы там ни было, Иру удалось вернуть живой.

- Вы вели речь об остальных пленных, которых взяли казаки вместе с Ириной Бойко?

- Конечно. И не только о них. Я очень просил Игоря разыскать Романа Диллера из Решетилковского района - отца трех маленьких мальчиков. Особый акцент делал на его национальности. Роман, так же, как и Игорь, немец по происхождению. Безлер обещал помочь. А мне передал список семи "дэнээровцев", которые находятся в местах заключения на Полтавщине. Будем менять людей, если их удастся разыскать. Увы, о судьбе трех попутчиков Бойко мы пока ничего не знаем.

"Охранник поделился со мной тем, что сам имел, - стаканом молока и пряником"

Ирина Бойко, медик по образованию, председатель правления полтавского областного благотворительного фонда "Виктория", провела в плену 99 дней. Неизвестно, какие планы в отношении Бойко вынашивали захватчики. Но ее спасло то, говорит женщина, что она очутилась на территории, которую контролирует Безлер.

- Нас - несколько человек, таких, как я - вывезли из Антрацита в Горловку на открытой машине 22 июня, - воспоминания даются Ирине тяжело. Она то и дело плачет. - Здесь мне наконец-то была оказана медицинская помощь. Я была такая слабая, что никто не верил в то, что смогу когда-нибудь подняться на ноги. Рыдала и просила Бога, чтобы он помог моим близким найти меня. Иногда наступали минуты отчаяния, когда я желала умереть. Ведь двум смертям не бывать, а одной не миновать. Страшна не сама смерть, а ее ожидание. Но в Горловке было уже совершенно другое отношение к пленным. Не били, хорошо кормили. Врачи всерьез занялись моим лечением, и я постепенно

выкарабкалась. Я считалась политической заключенной, поэтому даже в туалет ходила под дулом автомата, мне не разрешалось звонить родным, передо мной были закрыты все двери. Зато чувствовалась поддержка людей, которые были мне... врагами. Жены наших надзирателей передавали через них что-нибудь вкусненькое, предметы гигиены. А однажды охранник поделился со мной тем, что имел, - стаканом молока и пряником.

Постепенно мы сближались с этими людьми. Меня, если надо было, звали кому-то оказать первую медицинскую помощь. Пришлось как-то одному горловскому алкоголику, которого посадили на пятнадцать суток, руку вправлять. У Безлера пьяниц "лечат", кстати сказать, своими методами. Несколько ударов резиновым шлангом по губам, пятнадцать суток на общественных работах и - на рытье окопов. Правильно это или не правильно, но там такой порядок.

Люди Безлера, у которых я была в плену, называли меня "Ируська", "сестренка". Жалели и говорили, что мне нельзя возвращаться домой, что меня убьют на первом же укропском блокпосту. Вы понимаете, насколько народ с обеих сторон зомбирован пропагандой? Население Донбасса считает, что здесь фашисты и бандеровцы, которые убивают всех инакомыслящих, а нам вдалбливают, что там одни головорезы, бандиты и наркоманы. Да, мы немного разные, но мы один народ. Это война политиков, а не война народов. Политики манипулируют чужими жизнями, наживаются на смертях. По какому праву?

Особенно мы сошлись с подполковником Корсой. Это маленькая, худенькая, как тростинка, женщина, с невероятно твердым характером, которая командует мужским подразделением - местным "Беркутом". Она была уже на пенсии, но вернулась на службу. Корса напомнила мне одну нашу волонтерку из Кременчуга. У них идентичные взгляды на происходящие, жизненные ценности. Вот только стоят они по разные стороны баррикад. Хотя обе не хотят войны. Простых людей сделали пушечным мясом. А они хотят жить в мире, иметь работу, любить, растить детей. И я, как только поправлю здоровье, буду до последнего вздоха бороться за это всеми своими силами. Потому что, пройдя через пекло, я поняла: мы все одна семья.

- Вам предлагали остаться в ополчении?

- Да, меня просили сделать выбор. И я его сделала, вернувшись в Полтаву. Меня провожали со слезами на глазах. Надавали еды, задарили подарками. А дома одни встречают меня, как героя, а другие обвиняют в том, что... осталась жива.

"Горловский Медиа Портал"